

Живет в Москве (Россия).

Сон Сантьяго

Надвигается шторм, и мигрень не щадит головы.
В темной маленькой комнате ветер гоняет газету.
Старику все равно. Старику снятся львы,
Мавританский залив и тропически-пестрое лето.

Так прозрачна вода, что нетрудно на дне разобрать,
Как ползут по песку деловитые рыжие крабы.
Океан в тишине чуть качает кровать,
Положив на борта свои мокрые лапы.

Раздвигая тростник, все плывет по волнам колыбель,
И, начавшись однажды, движение длится веками.
«Я тебя не хотел убивать, голубая форель,
Так не мучай меня хоть во сне, шевельни плавниками».

Простыня обмоталась вокруг смуглых жилистых ног,
И подушка всплывает из мрака, как снежная глыба.
Старику все равно. Старику снится Бог,
И он видит, что Бог – это добрая старая рыба.

Карта Америки

Болею летом. Рядом прилегла
Химера – мутный взгляд и платье в дырах.
Соскальзывает с плоскости стола
Советский атлас с половиной мира.

Горчит вода, и свет в окне горчит.
От жара тела тает лед простынный.
Топограф, потерявший курс и стыд,
Пересекаю вплавь пустыни

И, пальцем проследив теченья рек,
Границы океанов не наруша,
Тону под Горном – глупый человек,
Меняя вместе с телом – душу.

Быть рыбой

– Стихи о рыбах, как рыбы,
встают поперек горла.
И. Бродский

Быть рыбой просто.
Быть проще – не быть совсем.
Мы равного роста –
Равней только звук и тень.

Мы – кости и кожа.
Бывает один скелет.
Скелета нет тоже –
Не значит, что рыбы нет.

Мы ищем, где тише.
Мы слышим далекий шум.
Немного пищи

Для медленных рыбьих дум.

Мы немые и глухие к зову.
Наш мертвый язык.
Рот ловит в попытке слова
Чужой плавник.

Рождая дважды,
Косяк нас лишает лиц.
Здесь треть или четверть – каждый.
Нет единиц.

Под звездной сетью
Мы изредка видим сны,
Как тянется трубной медью
Над морем «мы-ы...» —

И птицы стоном
Нам вторят с другого дна.
Им снятся маршруты к дому
И глубина.

